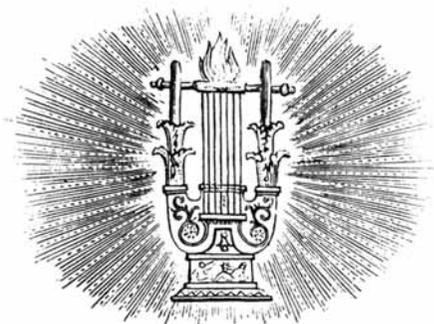

происходит от того, что Молитва в том же году была положена на музыку австрийским композитором Сигизмундом Нейкоммом и исполнялась в Филармоническом обществе придворными певчими (этим композитором была сочинена музыка и к нескольким другим сочинениям Державина). Ноты к Молитве были напечатаны Гротом в приложении к последнему тому собрания сочинений (*Державин, IX. С. 5–13 второй пагинации*).

Сергей Герасимович
Домашнев

Сергей Герасимович Домашнев (1753—1795) познакомился с князем Александром Борисовичем около 1773 года. В начале июня месяца князь приехал из-за границы, а после свадьбы Павла Петровича и Наталии Алексеевны в начале октября 1773 года по указу государыни Домашнев был отправлен ко двору прусского короля Фридриха Великого с сообщением о женитьбе цесаревича. Таким образом, они, вне всякого сомнения, должны были увидеться. Вернулся Домашнев в Петербург вместе с флотом своего покровителя графа А. Г. Орлова-Чесменского, где 11 июля был назначен директором Академии наук. Домашнев, подобно князю Куракину, был избран в Королевскую Академию в Стокгольме. В январе 1783 года Домашнев получил отставку, чему предшествовала необыкновенной силы «борьба», а попросту масштабная свара академиков и директора, о которой мы говорили в разделе, посвященном И. И. Богаевскому; прочувствовать эту чисто академическую атмосферу можно, прочитав приложенное в конце раздела письмо.

Все послания, направляемые к князю Куракину, были им написаны в бытность директором Академии. Первая записка к князю датируется 19 июня 1777 года (АКК, IX. С. 363, на французском). Завершает их корреспонденцию письмо от 3 января 1783 года, когда Домашнев уже почти оставил дела при Академии.

[1]. 1 июня 1779 года¹.

Препровождая сим к Вашему Сиятельству записку о деле Г<осподина> профессора Безака² покорнейше прошу соединить милость с неразлучным от вас правосудием в скорейшем предложении сего дела чем одолжите Ваше Сиятельство честного и добродетельного человека в лице профессора Безака с коим разделит чувствительность его и благодарность Вашего Сиятельства покорнейший и послушнейший слуга

С. Домашнев

1 июня 79.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 457. Л. 157. Автограф.

² Безак Христиан Христианович (Besack, Gottlieb Christian; 1727–1800). Уроженец Пруссии, сын пастора. Учился в Лейпцигском университете и в звании магистра философии приехал в 1760 году в Петербург, где поступил на службу профессором исторических и нравственных наук в Сухопутный Шляхетный кадетский корпус. Под руководством И. И. Бецкого принимал деятельное участие в преобразовании учебной части корпуса, за что был неоднократно поощряем. Также является автором русских и немецких сочинений. Домашнев, скорее всего, просит от решения дела Безака в Сенате.

[2]. 24 апреля 1781 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Для некоторой Академии надобности нужны справки о покойном Сенаторе Василье Евдокимовиче Адодурове⁴ как о бывших его в чинах происхождениях, так и ежели употребляем он был в какия либо особливия комиссии к исправлению порученных дел. В сем случае позвольте мне Ваше Сиятельство иметь к вам прибежище по сугубой причине и по известному вашему способствованию во всех делах, так и по особой милости ко мне, которая столь мне драгоценна, сколь моею оной признанием и особливое к вам почтение истинно и отменно.

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
покорнейший и послушнейший
слуга С. Домашнев
Апреля 24го дня
1781го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 127. Писарское, с подписью-автографом.

² Адодуров Василий Евдокимович (1709–1780) — почетный член Академии наук, действительный тайный советник. Внес значительный вклад в развитие русского языка и регламентирование языковых норм, известен как переводчик (переводы его см.: СК, I. №№ 575, 1529, 1530; II. № 3282; III. №№ 8481, 8485, 8489, 8496, 8567, 8568). Первым из русских воспитанников Академии наук в 1733 году получил звание адъюнкта по кафедре высшей математики у Л. Эйлера. В 1744 году был пожалован тайным советником и назначен преподавать русский язык будущей императрице Екатерине II, которая при восшествии своем на престол назначила его куратором Московского университета и президентом размещавшейся в Москве Ману-

фактур-коллегии. В 1778 году не без участия Домашнева был избран почетным членом Академии Наук.

[3]. 3 января 1783 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович

Ухватывая всевозможные случаи изъявить вам усердие мое и преданность в недостатке больших пользуясь хотя принесением вам календаря² возобновить о себе в памяти вашей и повторить вашему сиятельству свидетельство искреннейшего и непременного моего почтения с коим навсегда и пребываю

вашего сиятельства
Милостиваго Государя
покорнейший и послушнейший слуга
Сергей Домашнев

СПбург
3 генв. 83.

Припроведивши при сем другой покорнейше прошу поднести Его Сиятельству милостивому государю графу Петру Ивановичу Панину⁷. особливим письмом трудить Его я не осмеливаюсь из особого уважения и высокопочитания.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 460. Л. 75. Автограф.

² Здесь Домашнев имеет в виду следующее издание: Календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1783, содержащее 365 дней, сочиненный в знатнейших местах Российской Империи. СПб. При Императорской Академии Наук. [1782]. (Описание см.: СК, IV, 404).

Этот выпуск календаря готовился в 1782 году и был возвращен в Академию Наук редактором академиком С. Я. Румовским в июле 1782 года, но его печатание, несмотря на протесты академиков, было задержано Домашневым для внесения дополнительных изменений в корректуру.

³ Граф Петр Иванович Панин (1721–1789) — генерал-аншеф, покоритель Бендер.

[Приложение].

Письмо С. Г. Домашнева к князю А. Б. Куракину, <декабрь 1781 года¹>.

Это послание, сохраняющееся среди бумаг князя, должно было войти в третий том издаваемого князем Ф. А. Куракиным исторического сборника «XVIII век», но издание не осуществилось. Тогда хранитель куракинского архива В. Н. Смольянинов напечатал письмо с сокращениями в 1911 году в сборнике «Старина и Новизна»². Написано письмо на плохом французском (применительно к тому времени, можно сказать, просто-таки на ломаном). В виду крайнего интереса письма мы решили напечатать его здесь в полном виде, с переводом. Правописание французского текста было поправлено.

Mon Prince,

La noblesse des sentiments et la fazon de penser qui vous caractirisent et qui vous rendent aussi cher que respectable a tous ceux qui ont l'honneur de vous connaotre, vous prissentent a l'esprit le premier dans tous les cas ou les droits de la vйritй et de justice sont blessйes. Cette opinion gйnйrale que vos qualitts inspirent a tout le monde, est une certitude et une assurance la plus parfaite pour moi qui a l'avantage d'кtre en possession de vos bontйs depuis longtemps. Cela redouble encore le motif que j'ai de rйclamer votre amour pour la justice dans un cas injustement oppressif. Le Sйnat d'apris la dйnonciation de quelques professeurs le rebut de deux Academies est intervenu dans l'arrangement que mon devoir m'a fait faire a deux Acadйmies, il en rйsulte, mon respectable

Prince, que je suis peut-être le seul dans l'Empire qui est jugé sans être entendu et au détriment duquel on a écarté tout ce que l'ordre le plus simple prescrit. Que n'a-t-on demandé l'acte par lequel ces arrangements sont faits! On y aurait vu les raisons indispensables. Comment m'aurais-je justifié si dans le même temps ne pouvant pas obtenir pour 15 ans le compte pour plus de 200 000 roubles formant le capital de l'Académie accumulé depuis 50 ans, comment pourrais-je leur confier plus longtemps la recette s'ils y arrivent droit à la bonne heure, mais ils n'en ont point d'autres que ma confiance, puis-je la donner si le sentiment y répugne à des gens convaincus des plus grandes malversations. Mon prédécesseur a payé 3000 roubles pour la librairie où il y avait un grand déficit. J'ai voulu le prévenir ou plutôt l'arrêter, car l'argent est partagé entre Stelin et Roumovsky et pour le cacher il n'y a pas de traces des livres depuis 1767. L'honneur, la réputation de l'Académie m'ont inspiré pour y remédier les moyens les plus doux. J'ai déjà payé 15 mille roubles d'anciennes dettes de l'Académie. Mais cela enhardit les malheureux, et ce qui est inconcevable, ils trouvent la protection la plus forte dans les affaires d'une si grande évidence contre eux. Il a donc fallu que je mets au jour les indignes manœuvres de ces savans voleurs. Des preuves trop nombreuses pourraient anéantir ces malheureux si j'aurais pu m'empêcher d'être indigné de cette triste et humiliante victoire. Je les méprise autant qu'ils le méritent. Tout ce que crois devoir à moi-même, c'est de donner une idée de cette affaire à des personnes que j'estime et respecte — il est honteux pour le corps aussi respectable que l'Académie doit l'être d'avoir dans son sein des gens si méprisables et si vils. Mais ce qui me force le plus de vous en faire confidence, mon respectable Prince, c'est la persécution que le Professeur Roumovsky fait éprouver à tous ceux qui en remplissant leurs

devoirs vont par la voie différente de la sienne. C'est pour ne pas les sacrifier que je réclame votre protection pour eux, mon Prince. L'estime aussi haute que sentie que j'ai pour vous, vous rendront toujours le dépositaire naturel de mes sollicitations et de mes droits en tant qu'ils sont conformes à la vérité et à la justice. Leurs intérêts sont les vôtres et la connaissance, la conviction que j'ai de vos sentiments seront toujours une de plus grandes consolations de ma vie civile.

Agrez, mon Prince, les assurances de l'estime sincère et respectueuse avec laquelle je suis à jamais votre très humble et très obéissant serviteur

Domaschneff

Pour vous donner, mon Prince, un échantillon des mœurs de ces gens-là, je vous dirai qu'un jour j'ai vu le professeur Kotelnikoff tomber à mes genoux me présentant une lettre. Ce que c'était? C'était un aveu qu'il faisait. Disait-il d'un tort à mon égard, sans qu'il sache en quoi il consistait parce que Roumovsky l'ayant invité chez soi, l'a fait boire et lui a fait signer un écrit. Tout ce dont il se rappelle c'est qu'il y ait beaucoup d'injures contre moi. Mais est-ce le seul cas? En dernier lieu on m'écrit que le secrétaire de la commission a fait mettre un écrivain à la place de président. Un procédé pareil ne ressemble-t-il pas à des gens qui se croient être au cabaret plutôt que dans une chambre d'audience.

[Перевод:]

Любезный князь,

Благородство чувств и способ мыслей, вам присущие и почтение вызывающие у всех, кто имеют честь вас знать, вас на ум приводят всякий раз, когда попораны бывают права истины и справедливости. Сие мнение всеобщее, кое достоинства ваши всему

свету внушают, есть и для меня истина неопровержимая, ибо давно уже милостями вашими я обласкан. Тем больше оснований у меня уповать на любовь вашу к справедливости, ибо обижен я неправомерно. Подали несколько профессоров на меня донос сенату³, и по сему доносу условия мои с двумя академиями⁴ резко разорвали, из чего следует, почтеннейший князь, что, возможно, один лишь меня во всей Империи осудили, не выслушав, и с нарушением всего, что самый простой порядок предписывает. Отчего же не затребовать было бумаги, по какой условия эти заключены были! Сделались бы ясны обстоятельства необходимые. Мог ли я оправдаться, ежели в то же самое время за пятнадцать лет счетов не мог добиться о расходе 200 000 рублей, кои капитал Академии, за 50 лет накопленный, составляют, как мог я долее выручку им доверять, ежели право доступа к ней издавна имели, но право сие на одном лишь доверии моем основывалось, могу ли доверить выручку таковым людям, кои в величайших злоупотреблениях изобличены, и сердце мое от них отвращается! Предшественник мой 3000 рублей заплатил за книжную лавку, в коей обнаружили большие недостатки. Захотел я его предупредить или, скорее, остановить, ибо деньги делят между собой Штелин⁵ и Румовский⁶, а дабы никто о сем не знал, нет и следов расходных книг после 1767 года. Ради чести и славы Академии решился я действовать средствами самыми мягкими. Старых долгов Академии заплатил я уже 15 000 рублей. Однако несчастным сие лишь дерзости прибавило, самое же непостижимое, что в сих делах, где неправота их вопиет, находят они покровительство самое могущественное. Пришлось мне недостойные проделки сих ученых воров громко обличить. Доказательства бессчетные могли бы сих несчастных погубить, воспрети я себе возмущаться сей победой, печальной и унижительной. Презираю я их так, как того они заслуживают. Долгом своим одно почитаю — о деле сем поведать особам, коих уважаю безмерно, ибо постыдно для

собрания столь почтенного, каковым Академии быть надлежит, членами своими иметь людей столь презренных и подлых. Более же всего побуждают меня обо всем вас известить, почтеннейший князь, те гонения, коим профессор Румовский всех тех подвергает, кто его путем не следуют, ибо долг свой исполняют. Ради их безопасности и молю я вас, любезный князь, почтить их вашим покровительством. Уважение столь же искреннее, сколь и глубокое, кое питаю я к вам, заставляя меня будет всегда к вам обращаться просьбы о защите их прав, ежели не оскорбляют они ни истины, ни справедливости. Их интересы суть ваши, уверенность же моя в ваших чувствах пребудет вечно одним из величайших утешений моих в жизни гражданской.

Примите, любезный князь, уверения в искреннем и почтительном уважении, с коим имею честь быть

Вам покорнейший и почтительнейший слуга
Домашнев

Вот вам, любезный князь, образчик нравов сих людей. Однажды падает профессор Котельников⁷ предо мной на колени и мне вручает письмо. Что же в нем? Признание. Обвинял он меня в проступке, не зная, в чем сей заключается, ибо Румовский его к себе зазвал, напоил и бумагу подписать заставил. Одно лишь то помнит, что было в бумаге сей много оскорблений на мой счет. Да мало ли таковых случаев! Недавно сообщили мне, что секретарь комиссии⁸ писаря на место председателя усадил. Поступают так люди, коим не в зале заседаний быть пристойно, а в кабаке.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454 («Письма от разных особ 1781 года»). Л. 465 — 468. Автограф. На французском языке. Перевод В. А. Мильчиной. Датируется по содержанию.

² Старина и Новизна: исторический сборник. Кн. XIV. М. 1911. С. 109—111, без указания даты.

³ Речь идет о «Покорнейшем рапорте», довольно объемном, который подали 3 ноября 1781 года в Сенат члены Академической комиссии — академи-

ки Румовский, Штелин и Котельников (опубл.: Русская Старина. Спб. 1896. №9. С. 484–490). После этого рапорта на сторону академиков встал генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, что и решило дело не в пользу Домашнева.

⁴ Домашнев говорит об Императорской Российской Академии и Императорской Академии наук.

⁵ Штелин Яков Яковлевич (1709–1785) — академик по кафедре поэзии и красноречия.

⁶ Румовский Степан Яковлевич (1734–1812) — астроном, академик, позднее вице-президент Академии наук.

⁷ Котельников Семен (Симеон) Кириллович (1723–1806) — математик, академик, затем почетный член Академии наук.

⁸ Секретарем комиссии был Штелин, упоминаемый секретарь — очевидно Василий Басов, по крайней мере им в качестве секретаря подписан документ, помещенный нами в разделе настоящей книги, посвященном И. Богаевскому (см. стр. 104).

Герасим Степанович
Лебедев

